

Ульянов М.

1986/IV

Говорит и поет
М. А. Ульянов

“МЕРТВЫЕ ДУШИ” ЧИТАЕТ М. УЛЬЯНОВ

СУББОТА, 5 АПРЕЛЯ,
1 ПРОГРАММА, 21.00;
РО-4—19.30; РО-3—17.00;
РО-2—16.45; РО-1—6.00

Отдельные главы прозаической поэмы Гоголя читаны множеством прекрасных актеров. В «золотой фонд» Всесоюзного радио включена и запись знаменитого спектакля МХАТа в постановке К. С. Станиславского, спектакля, шедшего больше полувека, в котором играли и великие «старики», и среднее поколение мастеров прославленного театра. Впервые поэма звучит целиком (1-я часть) в исполнении одного актера — народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии М. А. Ульянова.

— Это моя давняя мечта, — рассказывает артист. — Гоголевских ролей в моем репертуаре не было. А «Мертвые души» — это ведь не просто гениально выписанные «роли», это и сатира, и романтика, и гротеск, и пронзающий лиризм. Тут играет, живет и дышит каждое слово, фраза, период, отрывок — все живет! Что же, очень сочно, «жирно», по-бытовому сыграть и образы, и диалоги, и насмеш-

ливо объективные гоголевские ремарки? А как же тогда с патетикой лирических отступлений, с местами описательными? В то же время «ровно» читать всю громаду прозы, сглаживая пласты настроений, тоже совершенно невозможно!

У нас с радиорежиссером Борисом Константиновичем Дубининым уже был опыт работы над эпическим произведением — «Тихим Доном» М. А. Шолохова. Но теперь ведь предстояло читать Гоголя, помня о том, что его реализм в полном смысле слова фантастический! Запись состоит из 12 частей примерно часового звучания в эфире, в нее вошел весь текст первой части «Мертвых душ». Надо было думать и о том, что произве-

дение полторастолетнего возраста должно звучать по-современному остро, многое говорить и уму, и сердцу сегодняшних слушателей. При всем этом необходимо сообразовать гоголевский стиль и эпоху с самой манерой чтецкого исполнения, иначе возникла бы опасная крайность «самовыражения» исполнителя в ущерб автору.

Конечно, мне, драматическому актеру, проще было в диалогах. На них, как правило, и строится зрелищные волнения этой классической прозы. Но чрезмерное увлечение «сценичностью» могло бы внести неоправданный крен, а повествовательные пласты поэмы просто требуют гармонии, согласования всех составляющих этого шедевра. К гармоничному звучанию всей, казалось бы, стихийной и в то же время неотразимо стройной архитектоники гоголевской поэмы мы и стремились. Скажем, нет ничего легче, чем обыграть вулканический ноздревский темперамент. Но приходилось быть очень строгим, экономным в отборе средств выразительности.

Можно было бы без конца теоретизировать на эти темы: они захватывают интересны сами по себе. Но я все-таки предпочитаю практику. Меня увлекает процесс работы, а о результате ее будут судить слушатели.

Фото А. Агеева